

27 ДЕК 404

Из прошлого театра

«С позволения начальства».

Представлено будет:

«Король Лир».

На афише перечень исполнителей. Не знакомых имен... «Иных уж нет, а те далече»... Но вот знакомая фамилия: «Граф Кент—г-н Москвин».

Здесь, в Ярославле, играл один из старейших артистов МХАТа, знатный человек нашей родины Москвин. Это было очень давно. Почти полвека назад.

Какой старомодный, древней выглядят маленькая афиша. На ней уместилось все: пятиактная трагедия Шекспира, после которой дирекция обязательно предлагает вниманию зрителя:

«Новейшее изобретение XIX века—синемаграф, или оживленную фотографию в натуральную величину».

Семь картин: карусели, катания на море, уборка хлеба, игры негров, в уборной актрисы, выезд их императорских величеств.

Все в один вечер! Антрепренер корректировал Шекспира. Трагическая смерть Лира сменялась иллюминацией морской прогулки, пышнотой сценой из закулисной жизни. Зритель не должен уходить из театра опрачеченным, изволованным.

Театр имени Волкова. Богата в неисчислимо интересно история его. В небольшом музее театра бережно хранятся афиши, рассказывающие о его славном прошлом. В автографтах, перепечатках спектаклей, сюда, в музей, поднимаются артисты—студенты, рабочие, интеллигенция. Они почтительно останавливаются у бюста великого основателя русского национального театра, рассматривают картины, воссоздающие жизнь Волкова. Здесь же рядом, на щитах—афиши. По ним, среди скучных документов, можно проследить историю театра.

Вернемся к далеким временам.

1750 год. В Ярославле, в кожевонном сарае, на сервом и купоросном заводе купца Погушкина, родился русский национальный театр. Имя его основателя—Федора Григорьевича Волкова—с гордостью носят областной театр.

Прошли века, но не померкла слава Волкова—этого «мужа глубокого разума, непоколебимого достоинства, который имел большие знания»,—как отзывались о нем современники.

Слава о ярославском актере и его труппе достигла царского двора. Волков, человек огромного таланта, полнейший позатор, указом Елизаветы был вызван в Петербург и стал во главе первого русского театра «для представления трагедий в комедии». Мало доню до нас достоверных документов о замечательной деятельности Волкова, много легенд сложилось о нем, во все, что сохранила история о великом русском деятеле театра, бережно хранят в чистом потоке, преклоняясь перед гением своего соотечественника.

Артист, режиссер, живописец, архитектор, машинист, переводчик—все это сочетал в себе Федор Волков, «всему был сам изобретатель».

В истории русского театра рядом с именем Волкова стоит его ближайший друг Иван Дмитриевский. Как и Федор Григорьевич, он начинал свою сценическую карьеру также здесь, в Ярославле. На первом спектакле в кожевонном хлабаре артист впервые двинулся на искусную игру интеллигентных роли Эсфири в драме Расина. Вряд ли кто подозревал в этой прелестной юной девушке Ваво Нарыкова, сына местного священника. И меньше всего, конечно, кто-нибудь предполагал, какое блестящее будущее ждет этого шестнадцатилетнего мальчика, какую огромную роль сыгрует он в развитии русского театра.

Один из первых артистов Нарыков-Дмитриевский, вызванный вместе с Волковым в Петербург, потрясал зрителей умной и тонкой игрой, поражающей тщательной отделкой каждой роли. Природный ум Дмитриевского, талантливость, всесторонняя образованность привлекали к нему внимание лучших драматургов XVIII века. С ним дружили, обращались за советами Сумароков, Княжич, Фонвизин, о нем с глубоким уважением и теплотой писал друг Пушкина Пастернак.

Российская академия, высоко ценила заслуги Дмитриевского, избрала его в число своих членов. Два имени. Два ярославца. Оба они открывают историю отечественного театра.

Богла ярославцы с трепетом и волнением показывали императрице Елизавете свое актерское искусство в комедии «О наказаниях грешного человека», земляки Волкова продолжали начатое своим великим соотечественником дело. Но то ли отсутствие средств, то ли другая причина вынудила их вскоре закрыть театр.

Мрачное, похожее на казарму или коноплю здание. Фонарь едва освещает пустынную площадь. Неудовлетворенно смотрит пустыми глазами три решетчатых окна. Это и есть «храм Мельмоены», сооруженный в 1820 году на том самом месте, где стоит сейчас Волковский театр. Через девятнадцать лет другой выслезет снос его унылое здание и выстроит новое.

По тем временам ярославский театр считался одним из лучших в провинции. Много интересного, необычайного видел его сцену. Сюда, на родину первого русского актера, приезжали на гастроли артисты мировой известности. С огромным восторгом переносились сейчас пожелательные листки афиш, скупо восстававшим ших славное прошлое театра.

«...1877 год. В театре г. Смирнова от общества любителей музыкального и драматического искусства дан будет спектакль «Гроза». Роль Катерины исполнит Г. Н. Федотова».

Как играла в этот вечер Федотова? Как припадала ее ярославская публика? Ничего не осталось, кроме поблекшей афиши. Но одно имя Федотовой говорит о многом. Это было событие в жизни старого Ярославля. Жемчужина русской сцены, о которой Писемский говорил, что он облетел всю Европу, переиграл все театры, видел много хороших актрис, но другой такой актрисы, как Федотова, по глубине чувств не видел, выступала здесь в одной из лучших своих ролей.

А за двадцать с лишним лет до нее с этой же сцены раздавался голос ее ученика, великого Шекспира. Он читал в этих стенах отрывки из произведений своего любимого писателя Гоголя.

В биографии Щепкина, «принадлежащем,—по словам Белинского,—к числу немногих истинных жрецов сценического искусства», отразилась судьба многих артистов дореформенной России. Человек огромного таланта, культуры, подлинный своим гением сердца зрителей, он сам был крепостным графа Волькенштейна. Лишь благодаря настойчивости почитателей его таланта, добравшись по подписному листу денег на выкуп, Щепкин получил долгожданную свободу.

В каком, поистине, блестящем окружении развивалось мированье артиста! Он был другом Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Тургенева, близко знал Белинского, Герцена, Гротовского. Эта плеяда богатейшей русской литературы высоко ценила и уважала артиста. Герцен удивительно метко сказал о Щепкине, что он «создал правду на русской сцене и первый стал театрален в театре».

Еще одно короткое имя—П. Стрепетова. Прекрасная, чуть степенная женщина, была поистине чудеснейшей сцены. Все впечатление ее игры отмечал изумительное свойство Стрепетовой. Она преобразилась на глазах публики, вырастала, делалась необыкновенно привлекательной, заставляла силой своего таланта забывать о своей внешности. Зритель вместе с артисткой смеялся, рыдал, испытывал все муки и радости ее героинь. Всю свою жизнь Стрепетова посвятила сцене и на склоне лет была изгнана дирекцией императорских театров, выброшена за дверь, как ненужная ветошь. Трагической была судьба артистов царской России!

Коричневой ролью артистки была Елизавета в «Горькой судьбине» Писемского. Она не знала соперниц в создании этого образа. В 1895 году ярославцы восторженно убедились в этом, увидев Стрепетову в спектакле «Горькая судьбина». Поэт Трепович преподнес от имени благодарной публики артистке букет цветов и выразил ей всеобщее восхищение прекрасной игрой.

«...В воскресенье 9 октября 1894 года труппой русских драматических артистов, с участием известного здесь публике московского артиста-любителя К. С. Станиславского, представлено будет «Гувернер»—комедия в пяти действиях».

Это было за четыре года до рождения московского художественного театра, открывшего новую эпоху в истории развития сценического искусства.

«Артист-любитель»—каким антропоморфно звучит сейчас слово «любитель» в приложении к Станиславскому—генеральному артисту, величайшему теоретику сценического искусства. Нет сейчас в стране, да и во всем мире театра, где не знали бы, не изучали, не воспевавшихся бы системой Станиславского.

Здесь, в нашем городе, играла незабываемая Емиссаржевская, выдающаяся артистка страны Варламов, Давыдов, Лешковская, Петина, Правдин, Южин.

Какая замечательная галерея предков-жителей Волкова! Как богата история нашего театра!

Старые афиши восстаивают и другие...

Мелькают ведевши, ведевши, ведевши, с пикантными названиями, сулящими легкое, бездумное развлечение зрителю. Липы бенефисы, когда бенефицианту предоставлялось право выбрать пьесу по своему вкусу, были отдушиной для артистов, тосковавших по настоящему искусству, по лучшим произведениям русской и западной драматургии.

Выразительны написаны на афишах: «В пользу немощных...», «В пользу нуждающихся студентов Демидовского лицея...», «В пользу артистки...».

Крохам с благотворительных вечеров поддерживались еленины из миллионной арки немощных. А благотворители, «жертвуй» на белих. пеклись о том, чтобы эти немощные не переступали порога театра.

В 1914 году член театральной комиссии управы купец Вахрамеев потребовал прекращения общедоступных народных спектаклей, заявив:

«Ведь у нас там чистые достояния, паркетные полы... за пятяток пустишь там разных рабочих в грязной одежде, в сапогах, потом кула дашь эту грязь. И к тому же там наши семья бывают...»

Вот оно свидетельство «заботы» отцов города о просвещении народа!

Красный, уютный театр, в котором мы сейчас смотрим спектакли, был построен в 1909 году—это, уж третье здание на этом месте. После великого Октября двор театра распахнулся для народных масс. Старейшим театром страны, послужившим знаменитого Волкова, справедливо гордится наша область, гордится коллектив артистов, работавших в нем.

В. ЕЛИСЕЕВА.